

Карательный популизм: коллатеральные (ли) эффекты глобализации?

Можно составить список «героических деяний» за последние 20 лет, в который вошли бы законы, ужесточающие наказание и урезающие гражданские права. И всё это без оценки результатов... Мы сползаем по откосу, сокращая гражданские права в пользу того, что консерваторы называют сильным государством. Пора бы им понять, что ставка на уголовное право и полицейское насилие есть проявление слабости государства, не располагающего более доверием граждан.

Буркхард Хириш, политический деятель ФРГ (ФДП), в прошлом вице-президент Бундестага, министр внутренних дел, эксперт ряда комиссий по правосудию и внутренней безопасности: интервью с журналом «Новое общество/Франкфуртские тетради». – 9/2003: 31

Предметом данной работы является развитие контроля над преступностью в контексте изменений, соотносимых с понятием глобализации. Одни из ключевых аспектов этих изменений представляет собой как раз репрессивная тенденция в развитии контроля над преступностью. Это представляется достаточно твёрдо установленным фактом и надёжно документируется данными о текущем развитии уголовной политики. В то время как в странах третьего мира и бывшего социалистического лагеря развитие характеризуется большей амбивалентностью и эклектикой, в «развитых» странах репрессивная тенденция является преобладающей и определяющей¹. В работе предлагается ряд альтернативных объяснений репрессивной тенденции, основанных на анализе литературы и данных собственного исследования.

---

¹ Подтверждающие это литературные источники воистину безбрежны, так что специальное и систематическое рассмотрение их составило бы предмет отдельной работы. Вот лишь некоторые из них: Christie, N. (2000): Crime Control as Industry. Towards Gulags, Western Style. – London & New York: Routledge, the 3rd edition; Golbert, V. (2003): Innere Sicherheit in unterschiedlichen gesellschaftlichen Kontexten. – Lit-Verl.: Muenster-Hamburg-London; Wacquant, L. (2000): Elend hinter Gittern. – Universitätsverlag Konstanz. Целью данной работы является не выявление и демонстрация существующей тенденции, а объяснение её значения и взаимосвязей в контексте развития общества.

1. Корпоративные интересы правоохранительно-карательного комплекса как движущая сила репрессивного развития. Ряд авторов отмечает, что военно-промышленный комплекс США, гипертрофией которого был столь обеспокоен Дуайт Эйзенхауэр, не находится более в гордом одиночестве. Компанию ему составляет правоохранительно-исправительный комплекс (*law-enforcement-and-correctional-complex*), включающий в себя как государственно-бюрократическую, так и рыночно-индустриальную составляющие². Руководствуясь мотивами самовоспроизводства и саморасширения, данный комплекс навязывает политическому руководству, средствам массовой информации и населению выгодное для себя видение социальной реальности. Это видение характеризуется рассмотрением проблемных аспектов реальности на основе системной логики обеспечения безопасности. Культурная, экономическая, национально-этническая, сексуальная и прочая проблематика кодируется в виде вопросов экономической, культурной, национально-этнической, сексуальной и прочей безопасности: общество наблюдает себя через призму и с точки зрения понятия безопасности³. Ключевым элементом такого кодирования или наблюдения является каузальная привязка проблем к морально упречным действиям персонифицированных субъектов – индивидов и групп лиц. Альтернативная, принципиально иная логика диагностики и терапии социальных проблем характеризуется тем, что в центре её внимания и воздействия находятся безличные структуры – социальные институты и отношения. Интерпретация социальных проблем через призму понятия безопасности представляет адекватным средством их решения силовые методы нейтрализации, устранения, наказания, устрашения лиц, чье злоумышленное, легкомысленное, беспечное либо халатное поведение является

---

² Baer, J. & Chambliss, W. J. (1997): *Generating Fear: the Politics of Crime Reporting*. In: *Crime, Law and Social Change*. – 27/2/1997: 87-107.

³ Kreissl, R. (1998): *Die Konjunktur Innerer Sicherheit und die Transformation der gesellschaftlichen Semantik*. In: Hitzler, R. & Peters, H. (Hrsg.): *Inszenierung: Innere Sicherheit*. – Opladen: 155.

источником разного рода (экологических, технологических и прочих) рисков и опасностей. Таким образом создается легитимационная база для расширения ресурсного снабжения и повышения статуса бюрократических и промышленных структур, занятых менеджментом рисков. Помимо собственно карательно-правоохранительных и уголовно-исполнительных служб, сюда относятся страховые компании, охранные фирмы, производители средств безопасности и т. д. Согласно данной гипотезе, наиболее последовательно разработанной Нильсом Кристи⁴, в современном обществе частные подсистемы обретают всё большую автономию, уходят из-под общественного контроля и доминируют в определении приоритетов развития над легитимными субъектами власти. В этом можно усмотреть систематическое нарушение принципов формальной демократии.

2. Манипулятивная демократия и репрессивная демагогия. Если принять во внимание, что и легитимные субъекты власти ряда государств активно содействуют углублению и усугублению репрессивно-карательного крена во внутренней и внешней политике, проблема предстаёт в несколько ином свете. В этом можно усмотреть проявление их беспомощности перед лицом современных рисков, составляющих один из конститутивных элементов понятия глобализации. В самом простом варианте речь идёт об ограниченности потенциала **национальных** правительств в решении **глобальных** проблем. Правительства не имеют достаточных организационных, материальных, интеллектуальных и прочих ресурсов, равно как и индивидуально-корпоративной эгоистической заинтересованности в реальном решении проблем. В силу этого, они демагогически стремятся создать иллюзию разрешимости (нейтрализуемости, изолируемости, устранимости) проблем простыми средствами, а также продемонстрировать собственные энергичные усилия по их решению. Карательно-репрессивное управление, по своей сути, и есть способ постоянного «решения» социальных проблем без какой-либо перспективы их дейст-

---

⁴ Christie, указ.соч.

вительного решения. Это открывает возможность, ничего не меняя в существующей системе отношений и не затрагивая тем самым интересов субъектов, занимающих элитарные позиции в данной системе, создавать видимость осуществления активной и решительной политики. Таким образом объясняется корреляция между двумя основными конститутивными компонентами правоконсервативно-ультралиберального мировоззрения: приверженности к репрессивным средствам управления во вполне логичном сочетании с индивидуалистическими концепциями человека и общества и неприятия структурных реформ, а также структурного видения социальной реальности и социальных проблем. Инструментом легитимации правоконсервативной и социально-импотентной политики выступает трансляция в общественное сознание по каналам средств массовой информации и теледемократии (пиар, политический маркетинг и т. д.) кикиморически-фантазмагорических жупелов и образов врага. Таким жупелом может быть советская угроза или капиталистическое окружение, террористы, организованные преступники, наркоторговцы, педофилы и т. д. В результате создаётся почва для широкой общественной легитимации карательных средств государственного управления. Общество желает наказания, но желание это исходит не из глубин самого общества, а транслируется в массовое сознание "сверху" таким же образом, как потребность в предметах престижного потребления генерируется средствами вездесущей рекламы⁵. В полном соответствии со спецификой современного рынка, спрос на карательные меры целенаправленно формируется

---

⁵ На уровне системного анализа, сходство между образом функционирования рынка, шоу-искусства и телеполитики позволяет говорить о процессе, противоположном столь детально описанной Луманном дифференциации функциональных subsystemов общества. Всё более стираются грани между «символически генерализованными медиумами» и «системными кодами» политической, экономической систем и мутировавшего к шоу-бизнесу театра при явном доминировании экономической коммуникации, агрессивно простирающей свои метастазы во все системные сферы общества и перекодирующей их внутренние автопойетические процессы на собственный системный код, см. Neckel, S. (2001): „Leistung“ und „Erfolg“. *Die Symbolische Ordnung der Marktgesellschaft*. – Barlosius, E.; Mueller, H.-P. & Steffen, S. (Hrsg.): *Gesellschaftsbilder im Umbruch. Soziologische Perspektiven in Deutschland*. – Opladen: Leske und Budrich: 255.

под готовое предложение носителями этого предложения. Наиболее детально тезис "манипулятивной демократии" и "карательного популизма" разработан в исследованиях Кэтрин Беккет⁶.

3. Экзистенциальные страхи и беспокойства как фактор роста карательных притязаний населения. В рамках третьей гипотезы, угол зрения переносится с нагнетания массовой истерии «верхами» на готовность «низов» к восприятию и усвоению преподносимых демагогических формул и образов. Коллективное сознание превращается во всё более благодарную и благодатную почву для осеменения правопорядческими клише. Метаморфозы сознания происходят в контексте разрушения традиционных институтов, а также мнимого или действительного фиаско социальной помощи и *вэлфэризма*, призванных компенсировать последствия разрушения традиционных институтов. Массы индивидуальных субъектов воспринимают друг друга и себя самоё с точки зрения вошедших опять в моду моделей *homo oeconomicus*, рационального выбора и т. п. как разрозненные монады, преследующие свои узкокорыстные интересы. Эрозия национальных, профессиональных, семейно- и полоролевых идентичностей оставляет этих монад в одиночестве перед лицом рыночной стихии и иных безличных надъиндивидуальных сил. Причём силы эти вырвались из-под любых форм публичного контроля и генерируют бесчисленные и необозримые риски технологического, экологического, социально-структурного и иного характера.

В данной ситуации фетиш идеологии либерального индивидуализма – свобода выбора – превращается на деле в жесткий императив принятия решений, последствия которых не поддаются никакому просчёту. Таково альтернативное видение "рефлексивной современности", при которой индивид освобождается от давления традиционных структур в формировании собственной идентичности, проектировании и осуществлении индивидуальной

---

⁶ Beckett, K. (1997): *Making Crime Pay. Law and Order in Contemporary American Politics.* – Oxford University Press.

биографии. Индивид в этих условиях действительно пользуется свободой выбирать между альтернативами, однако сама ситуация выбора и спектр альтернатив навязаны ему более жестко, нежели до этого любая традиционная идентичность и нормативно-ценностная структура. Более того, он пользуется правом выбирать, зная при этом, что результаты выбора, скорее всего, обернутся против него самого⁷. Представления о расширении индивидуальной свободы в связи с децентрализацией, деиерархизацией и возрастанием гибкости производственных структур и процессов также являются весьма обманчивыми⁸.

Продуктом судорожного поиска стабильности и надёжности в неустойчивом и ненадёжном мире является приверженность к разного рода групповым идентичностям, предлагающим некоторые паллиативы определённости, групповой принадлежности и защищённости. Происходит ренессанс, казалось бы, уже изжитых форм клановой, этнической, религиозной и прочей идентичности. Одним из сопутствующих феноменов является эскалация межгрупповой агрессии, всегда бывшей самым эффективным механизмом определения группами собственных границ вовне, интеграции и стабилизации⁹.

Отказ от действенного вмешательства в стихийные процессы "глобализации" рано или поздно ведёт к аккумуляции мощных потенциалов страха, неуверенности, агрессии. Возникшее напряжение генерирует токи политических симпатий, создающих благоприятную конъюнктуру для авторитарно-патриотических, демагогически-популистских, карательно-репрессивных тенденций, фундаменталистских, милитаристских, экстремистских, право- и леворадикальных тенденций в пределах легального и легитимного политиче-

---

⁷ Zizek, S. (1999): *Die Tuecke des Subjekts*. – Frankfurt/M.: Suhrkamp: 466.

⁸ Sennett, R. (1998): *The Corrosion of Character. The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*. – Norton.

⁹ Bauman, Z. (2001): *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. – Cambridge: Polity & Blackwell; Sennett, указ. соч.: 130, 132.

ского пространства. Опасность для демократии в настоящее время исходит не столько от партий, изначально выступающих с популистски-демагогических позиций радикальной направленности, сколько от сползания "нормальных" партий на такие позиции. Для понимания механизма утверждения элементов авторитаризма в политической системе недостаточно учитывать тенденции правоохранительно-карательного комплекса к саморасширению и экспансии во все новые жизненные пространства, как это вытекает из первой гипотезы. Дополнительным фактором установления тотального контроля выступает поддержка соответствующих контрольно-дисциплинарных амбиций широкими слоями населения, воспринимающими ситуацию как вышедшую из-под контроля. Характерным для России примером является комплекс мифов и ожиданий в отношении "твёрдой руки", якобы способной навести долгожданный порядок. Этот комплекс носит сложный характер и включает в себя ожидания, адресованные личности президента, а также мифологию о криминальных авторитетах, обеспечивающих относительный порядок в отдельно взятых локальных территориальных образованиях в случае избрания их в органы власти. Таким образом, неолиберальное попустительство власти в отношении социально-деструктивных процессов, прикрываемое популистски-карательным акционизмом, создает благоприятную конъюнктуру для усиления этатизма и государственного интервенционизма.

Третья гипотеза являет собой концептуальную модель ситуации, в которой наиболее отчетливо проявляется перманентное противоречие между формальными и материальными принципами демократии. В силу определённого развития правовой и политической культуры населения, именно адекватное осуществление его демократически-суверенной воли и блокирование экспертного вмешательства в протекание демократического процесса имеет следствием эрозию конституционно зафиксированных материальных основ демократии: прав меньшинств, свободы слова и совести, процессуальных гарантий в обеспечении внутренней безопасности, независимости судов, разде-

ления властей и иных принципы правовой государственности, уважения международного права, избегания агрессии во внешней политике и т. д.

Особого внимания заслуживает развитие карательных притязаний среднего класса. Воздерживаясь от углубленной рефлексии теорий социального структурирования и правомерности самого понятия "средний класс", в рамках рабочей концепции под ним можно понимать широкие слои экспертов, лиц свободных профессий, наёмных работников в динамично развивающихся отраслях производства и оказания услуг. В условиях фазы процветания после Второй мировой войны, эти категории лиц достигли уровня благосостояния, прежде характерного для класса мелких собственников. Данный процесс сопровождался процессами "самооткрытия" среднего класса или формирования определенного классового самосознания. Последнее, в числе прочего, характеризуется смещением приоритетов в защите своих интересов с коллективных форм самоорганизации в целях борьбы, протеста, взаимопомощи и т. д. к индивидуальным стратегиям аккумуляции культурного и экономического капитала.

В настоящее время, относимые к среднему классу слои населения в так называемых индустриально развитых странах обладают наиболее ёмким электоральным потенциалом, и их настроения и предпочтения являются самым весомым фактором в формировании политических приоритетов. Возможно, именно этим объясняется доминирование лишённых научного обоснования представлений о среднем классе как носители стабилизирующего начала и либерально-демократических ценностей. Данные представления нуждаются в существенных корректурах. Средний класс является носителем либеральных и **стабилизирующих** политических установок лишь в условиях **стабильного** развития, обеспечивающего **стабильный** же рост его благосостояния. При разного рода кризисных явлениях и потрясениях, когда представители среднего класса ощущают угрозу для своих позиций в сфере потребления, они проявляют тенденцию к полярной смене своих политических ус-

тановок¹⁰. С наивысшей вероятностью такой метаморфозы можно ожидать, когда относительно быстро достигнутый уровень материального достатка, воспринимаемый как "нормальный" и само собой разумеющийся, действительно или мнимо начинает снижаться в связи с замедлением темпов экономического роста при переходе от фазы роста к фазе рецессии. В результате, характерная для процессов глобализации неравномерность экономического развития во времени чревата социальными и политическими катастрофами, напоминающими о "провалах цивилизации" в XX веке. В этой связи следует вспомнить, что в одном из вариантов этих провалов значительную роль сыграли именно массы мелких собственников (прообраз грядущего среднего класса), чья травматизация в результате Великой депрессии «подготовила Европу к фашизму»¹¹. И именно в условиях усугубления экономического кризиса кризисом государственно-политической системы, пережившей военное поражение и попавшей в зависимость от держав-победительниц, диктовавших ей свою волю в определении внутривосточного и экономического порядка.

4. Эмпирическое исследование «Стена пала – да здравствует стена. Развитие контроля над преступностью после завершения конфронтации Востока и Запада». Насколько устойчивой может оказаться репрессивно-карательная тенденция, и как далеко она может продвинуться в разрушении основ демократии и правовой государственности? Ответ на этот вопрос зависит от оценки её глубины и укоренённости в крупномасштабных процессах экономического, социального, политического и культурного развития. Выяснение этой глубины и укоренённости было целью исследования, выполненного автором в 2003-04 гг. при поддержке Центра изучения Европы и Германии (ЦИГЕ). На основе экспертных интервью и изучения письменных мате-

---

¹⁰ Ehrenreich, B. (1994): Angst vor dem Absturz. Das Dilemma der Mittelklasse. – Hamburg: Rowohlt.

¹¹ Hobsbawm, E. (1995): Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914-1991. – Abacus: 90.

риалов предполагалось выработать одну или несколько объяснительных моделей для следующего обстоятельства, носящего на первый взгляд парадоксальный характер: крушение социалистической системы явилось поводом для торжественного провозглашения некоторыми авторами третьей волны демократизации¹², однако же в странах, воспринимаемых как целевой ориентир этого процесса, контроль над преступностью и обеспечение внутренней безопасности развиваются весьма недемократическим образом. Даже рассматривая усиление репрессивного контроля как ответ на новые риски и побочные явления «третьей волны демократизации», приходится признать, что репрессивный характер этого ответа даёт некоторые основания для опасений о становлении «ГУЛАГа западного образца»¹³. Поскольку темпы роста тюремного населения в США в 90-е гг. истёкшего столетия¹⁴ не уступают таковым в 30-е гг. того же столетия в СССР¹⁵, от заголовка известной работы Нильса Кристи нельзя отмахнуться как от литературной гиперболы или красного словца, ради которого норвежский криминолог готов не пощадить даже оплот демократии и прочих хороших вещей.

На основе сопоставления мнений экспертов предполагалось выяснить, есть ли основания рассматривать репрессивное развитие как случайную, временную, преходящую и побочную тенденцию? Можно ли рассчитывать на возврат к доминировавшей на протяжении трёх послевоенных десятилетий либеральной и рациональной уголовной политике без внесения радикальных корректур в нынешний курс экономического и политического развития? Или же в этой тенденции обнаруживает себя основной вектор текущего развития, обозначение которого как демократизация в таком случае звучит лишь как

---

¹² Merkel, W. (1999): *Systemtransformation*. – Leske & Budrich: 241 и далее.

¹³ Christie, указ. соч.

¹⁴ Ср.: Caplow, T. & Simon, J. (1999): *Understanding Prison Policy and Population Trends*. In: Tonry, M. & Petersilia, J. (eds.): *Prisons*. – Chicago & London: The University of Chicago Press: 64.

¹⁵ Ср.: Лунеев, В. В. (1997): *Преступность в XX столетии: мировые, региональные и российские тенденции развития*. – Москва: 56-57, 180-181.

горькая шутка? И тогда можно ожидать, что репрессивная тенденция продолжит своё триумфальное шествие по планете, сметая на пути своего углубления и расширения институты демократии и правовой государственности. Что она не замедлится, не остановится и не повернётся вспять без существенных корректур на уровне базисных экономических, социальных и политических структур общества, произойдут ли таковые в стихийном порядке или же в качестве целенаправленных реформ.

5. Категории экспертов. Для решения поставленной задачи было проведено 21 фокусированное интервью с представителями уголовной юстиции, полиции, науки, уголовно-исполнительной системы и политики в России и Германии. Результатом должно было стать осмысление уголовно-политических изменений как единого целого, как некоей «истории» (за рубежом используется термин „*narrative*“). Многочисленные разнонаправленные, гетерогенные и амбивалентные частные изменения на различных уровнях уголовной политики (законодательство, судебная практика, уголовно-исполнительная система) подлежали увязке в единое целое в картине или картинах единого развития, обладающего хронологической определённой и внутренней логикой. Исходя из предварительных представлений о дискурсивном поле, ожидалось выявление двух альтернативных подходов к объяснению текущего уголовно-политического развития: консервативного и либерального. **Консервативная** уголовная политика традиционно отличается приверженностью к суровому наказанию и прагматической (мнимо идеологически нейтральной) трактовкой уголовно-политических вопросов. При этом частично неосознанная, вытесненная из сознания или сознательно скрываемая идеологическая платформа состоит в том, что применение репрессивных средств является инструментом поддержания существующего социального порядка, отношений власти и собственности. Репрессия служит нейтрализации и вытеснению из поля зрения наиболее болезненных противоречий и негативных аспектов данных отношений. Представители **либеральной** уголовной политики

обычно выступают, напротив, за смягчение карательной практики и альтернативные подходы вроде примирения потерпевшего с преступником, ресторативной (восстановительной) юстиции и т. п. Идеологическая основа этих подходов состоит в поиске как альтернативных форм как контроля над преступностью, так и социального порядка. При этом есть основания полагать, что на сегодняшний день ещё не возникло того, что можно было бы определить как «либеральную уголовно-политическую программу». Либеральные политики в большинстве своём предлагают лишь отказаться от того, за что выступают политики консервативные, в силу чего сама направленность предложений задаётся оппонентами. Собственная программатика относится преимущественно к функциональным сферам социальной, экономической, молодёжной и т. п. политики. Уголовно-политические же идеи ресторативной юстиции и других альтернативных подходов ещё не были увязаны в компактную, внутренне взаимосвязанную и обоснованную программу.

Консервативно настроенные эксперты, которые были бы к тому же доступны для открытой беседы по теме исследования, являются большой редкостью даже в России. В Германии же эта особь вообще подлежит занесению в Красную книгу. Более результативным оказалось различие между аффирмативными и трансформативными уголовно-политическими подходами (терминология заимствована из работы Нэнси Фрэйзер, не имеющей отношения к уголовно-политической тематике¹⁶. Аффирмативность означает направленность на стабилизацию системы, в то время как трансформативность – на её преодоление. Аффирмативный подход представляли эксперты, которые, правда, были настроены критически по отношению к уголовной политике на настоящем этапе (некритически настроенных экспертов можно найти лишь с трудом, собственно среди махровых консерваторов). Однако же поправки и реформы уголовной политики, например, её либерализацию, они предлагают как средство сохранения системы в целом, для избежания необ-

---

¹⁶ Frazer, N. (1997): Justice Interrupts: Critical Reflections on the Post-Socialist Condition. – N.Y.: Routledge

ходимости более глубоких коррективов и реформ социального порядка. В качестве трансформативных определялись воззрения тех, кто имел склонность рассматривать уголовно-политические реформы лишь в рамках более широкой программы социальных реформ, как один из аспектов такой программы. С этой точки зрения, изменение уголовно-политического курса, безотносительно к его адекватности и глубине, имеет мало смысла, если оно осуществляется вне контекста значительной перестройки всей системы. Стэнли Коэн применяет в этом случае термин «радикальный *импоссибилизм*», обозначающий отрицание возможности действенных уголовно-политических реформ в рамках существующей системы угнетения и подавления (англ. *radical impossibilism*¹⁷).

6. Мнения немецких экспертов: аффирмативная модель объяснения репрессивной тенденции в ФРГ. Результаты исследования могут быть представлены здесь лишь в предельно сжатой форме. Взаимосвязям текущего уголовно-политического развития с криминогенными аспектами и последствиями завершения конфликта между Востоком и Западом придавалось разное значение в зависимости от того, представлял ли эксперт аффирмативную или трансформативную позицию.

С аффирмативной точки зрения подчеркивались в первую очередь аспекты, связанные с расширением свободы и соответственным расширением возможностей для злоупотребления ею:

«...преступность, порождённая свободой..., к которой относятся и свобода от правового регулирования, отсутствие полиции и правовая неопределённость. В таких условиях подростки испытывают себя и выясняют пределы допустимого в невиданных до того формах и масштабах. Въехать на машине в помещение торгового центра, всё там разворовать и разрушить, и на это никакой реакции – явление типичное для того времени» (ФБ, ФРГ, директор уголовно-исполнительного учреждения).

---

¹⁷ Cohen, S. (1988): *Against Criminology*. – Transactions Books: New Brunswick & Oxford: 17.

К новым свободам относилось расширение возможностей передвижения, путешествий, туризма, коммуникации, международной торговли и т. д. Теневой стороной возникших в результате этого миграционных потоков явилось новое качество и новый масштаб транснациональной преступности. К этому добавились новые технологические и экологические риски.

На данный момент проблемы криминального характера, обусловленные завершением конфликта систем, почти полностью утратили своё значение:

«Преступность в процессе приватизации была целиком и полностью обусловлена переходом к новой системе, без перехода она была просто немыслима. Усиление активности угонщиков автотранспорта было связано с отсутствием границ. Чрезмерные масштабы краж в магазинах людьми из бывшего восточного блока, автобусы, полные краденого добра, всё это было какое-то время. Это были явления переходного периода, теперь они позади. Мы вернулись к совершенно нормальной криминальной ситуации при достаточно высоком уровне преступности» (КЗ, ФРГ, профессор криминологии).

Однако же уголовно-политические меры, предпринятые в ответ на проблемы переходного периода, оставшиеся теперь позади, никто и не думает отменять:

«Если построены новые стены, установлены системы видеонаблюдения, новые тюрьмы, отменены процессуальные гарантии защиты прав, всё это остаётся, когда тех проблем уже нет, для решения которых всё это было нужно» (ВЛ, ФРГ, сотрудник Комиссии по урегулированию конфликтных ситуаций с полицией).

Это касается не только конкретных институциональных и правовых мер, но и определённых образцов политического мышления и действия, ведущих к структурированию публичной сферы на основе категорий безопасности («секьюритизации»). С аффирмативной позиции признаётся, что нынешняя уголовная политика действительно является реакцией на вызовы глобализации. В частности, в ней находят своё воплощение последствия усилий по нейтрализации криминальных аспектов открытия границ, массовой миграции, объединения Германии и т. п. Эти новые и уже не совсем новые вызовы способствовали установлению тенденции к репрессивной реакции на «новые риски», связанные с «новыми свободами». Данная тенденция обрела внутреннюю динамику саморазвития и выработала в себе механизмы перманент-

ного воспроизводства и навязывания общественности выгодных для себя стереотипов восприятия проблем¹⁸. Благодаря этому она и её носители постоянно находят правдоподобные обоснования для её продолжения и развития (вчера это была организованная преступность, сегодня это терроризм, завтра, возможно, эпидемия сексуального маньячества или угроза инопланетного вторжения).

При всём при том, тенденция является преходящей. Механизм её детерминации носит внутрисистемно-автопойетический характер, то есть, ограничен пределами собственно правоохранительной системы. Текущее развитие уголовной политики автономно по отношению к базисным процессам трансформации экономики, политики, культуры и социальной структуры. Вполне вероятно, что в кратковременной перспективе репрессивный вектор развития сменится противоположной, либеральной тенденцией без изменения направленности развития базисных структур общества. Кроме этого, есть достаточные основания для уверенности в отношении сохранения основ правовой государственности, как будто они несмываемыми чернилами вписаны в скрижали существующего социального порядка и выработали иммунную систему против процессов собственного разложения.

Аффирмативные комментарии современной уголовно-политической тенденции хорошо вписываются в теоретический контекст концепций глобализации и общества риска. Речь идёт при этом о теневых аспектах глобализации, ставших предметом 'рисковой коммуникации, и об уголовно-политической реакции на эти аспекты:

«Причинно-следственные цепи очень сложны, и это приводит к тому, что в рамках предупреждения опасностей органы пытаются контролировать всё более сложные и всё менее доступные непосредственному воздействию жизненные сферы. И это подрывает, в сущности, основы свободного образа жизни. Внутренняя противоречивость развития, в свою очередь, порождает новые общественные потребности в контроле и новые формы контроля, подрывающие базис либеральной демократии» (УП, ФРГ, профессор конституционного права).

---

¹⁸ Buzan u. a. (1998): Security. A New Framework for Analysis. – Boulder.

Репрессивная тенденция представляет собой истерический, «антисовременный» компонент реакции на новые риски и проблемы. Как показывает анализ Дэвида Гарланда, основанный на применении работ Мишеля Фуко к актуальной уголовно-политической проблематике, этот компонент соседствует с «позднесовременным» децентрализовано-технократическим управлением рисками¹⁹. Один из экспертов охарактеризовал это «соседство» как комбинацию рациональных и иррациональных аспектов потребности в восприятии и обеспечении безопасности:

«И к тому же вся эта глобализация: современные западные государства утрачивают монополию на легитимное применение насилия, суверенитет, территориальный контроль и господство. Это порождает страх и неуверенность, это объективный процесс. Этим процессом порождаются потребности в безопасности, которые проявляют себя то рационально, то иррационально. И правительство реагирует порой рационально, порой иррационально» (УП).

Можно ожидать, что репрессивная тенденция будет терять обороты по мере более или менее успешной нейтрализации рисков. Однако новые крылья вырастут у неё с появлением ещё более новых вызовов, и в этом состоит единственное основание для пессимистических оценок её продолжительности:

«Теперь у нас большое европейское пространство, которое в любом случае будет находиться в движении. В Польше теперь каждый немец может открыть своё дело. Я могу себе представить, что это приведёт к смещениям и перемещениям населения. И как только воспринимается наличие истинной или мнимой угрозы, вся уголовно-правовая система приходит в чрезвычайное возбуждение и реагирует ужесточением. Это разновидность акционизма, не поддающаяся рациональному обоснованию. Что-то должно быть предпринято: и это что-то оказывается ужесточением наказания, которое потом переносится и на обычные составы преступлений, никак не связанные с новой угрозой. В итоге последствия ощущают на себе преимущественно карманные воры, хотя имела в виду борьба с террористами» (КЗ).

7. С трансформативной позиции первоочередное внимание уделяется тем криминогенным аспектам преодоления конфликта Востока и Запада, которые связаны со стремительной экспансией рыночной экономики в регионы, до этого ей недоступные или доступные лишь частично. Подавляющая часть на-

---

¹⁹ Garland, D. (2001): The Culture of Control. – Oxford University Press: 103.

селения в этих регионах была абсолютно не готова к решению проблем, перед которыми она оказалась вследствие этой экспансии. Значительные массы стали жертвами сомнительных махинаций со страховыми полисами, подержанными автомобилями, коммерческими предложениями и т. д. Эти махинации могут послужить примером сложности различения между легальными рыночными трансакциями и мошенничеством, а также сферами уголовно- и гражданско-правового регулирования. Другим характерным примером явился захват западными фирмами активов и рынков сбыта конкурентоспособных восточных предприятий. Особо скандальными были случаи получения такими фирмами государственных субсидий при условии сохранения на востоке рабочих мест, после чего рабочие места всё-таки были сокращены, а предназначенные для их сохранения средства были направлены на решение собственных финансовых проблем западных предприятий. По ряду таких случаев получили широкую огласку, и они получили широкую огласку. В целом же, попытки решения возникших проблем уголовно-политическими средствами в той мере, в которой преследование приватизационных и иных преступлений переходного периода вообще имело и имеет место, явились совершенно неадекватным. Такие попытки представляют собой голую демонстрацию усилий по решению проблем, в то время как для действительного решения, которое может быть достигнуто только средствами экономической и социальной, но отнюдь не уголовной политики, ничего не делалось, не делается и не будет делаться. Репрессивная тенденция сформировалась до завершения конфликта между Востоком и Западом и не относится к последствиям завершения, а лишь ускорилась, приняла зрелые и зримые формы благодаря ему. Однако завершение конфликта и репрессивный поворот в уголовной политике связаны хоть и косвенным, но очень прочным образом. Оба процесса происходят в едином контексте становления рыночного общества, протекающего с особой резвостью с начала 80-х гг. истёкшего столетия. В этом свете, новые риски и неопределённости предстают отнюдь не как обратная сторона

расширения свободы. Скорее они выступают в качестве социально-деструктивных эффектов распространения рыночной экономики во все новые географические, функциональные и социальные сферы жизнедеятельности общества. Репрессивные уголовно-политические меры представляют собой беспомощные попытки авторитарной нейтрализации социально-разрушительных последствий рыночной либерализации и дерегулирования. Параллельно они являются популистски-демагогическим средством завоевания симпатий населения с его растущими потребностями в безопасности и карательными притязаниями. Рост этих потребностей и притязаний дополнительно усугубляется неконтролируемым процессом разрушения прежних режимов политической и экономической жизни. Консервативная уголовно-политическая тенденция является подтверждением и осуществлением прогноза о становлении «ГУЛАГа западного образца» и частным аспектом более глубоких, не ограниченной предметными рамками уголовной политики сдвигов в развитии общества в целом. Эти сдвиги включают в себя риски, имманентные развитию рыночного общества, репрессивную реакцию на эти риски и результаты этой реакции:

«Каждый хочет, чтобы это общество было свободным и современным, технически оснащённым и с высокой интенсивностью потребления. И при этом без риска и опасностей для правовых ценностей. Однако одно с другим несовместимо, а попытки совместить с неизбежностью ведут к терроризму и государственному террору» (ФЗ, ФРГ, профессор криминологии).

Теоретической основой для трансформативной модели могут послужить неомарксизм и концепции радикальной демократии.

8. Позиции немецких экспертов: обобщающая схема. Существенно упрощая материю, отвлекаясь от противоречий и внося изрядную долю собственной интерпретации мнений экспертов и взаимосвязи между различными аспектами этих мнений, позиции немецких экспертов можно представить в виде следующей обобщающей таблицы:

Таблица 1. Характеристики трансформативной и аффирмативной объяснительных моделей, реконструированных на основе мнений немецких экспертов

Позиция	Аффирмативная	Трансформативная
Теоретический контекст:	Концепции глобализации и общества риска	Неомарксизм
Видение преступности:	Индивидуалистическое	Структурное
Точка зрения на трансформацию:	Оптимистически-модернизационная	Критическая в отношении модернизации
Начало репрессивной тенденции:	После завершения противостояния восточного и западного блоков	До завершения противостояния
Типичные примеры преступности переходного периода:	Преступность выходцев с бывшего «Востока» в отношении граждан бывшего «Запада»: преступность иностранцев, «контрабанда мигрантов», организованная преступность	Преступность граждан бывшего Запада в отношении граждан бывшего «востока»: массовое мошенничество со страховыми полисами и государственными субсидиями
Репрессивная тенденция:	Симптом бессилия, карательный популизм	Обеспечение отношений власти и собственности
Новые риски:	Непредвиденные сопровождающие эффекты расширения свободы и повышения благосостояния (технология, нагрузка на окружающую среду, миграционные потоки)	Центральный элемент и симптом углубления неравенства и усиления эксплуатации
Метафора для «новой» преступности:	Цена модернизации, фактор модернизации	Фактор модернизации, основное содержание модернизации
Отношение репрессивной тенденции к широкому социальному контексту:	Тенденция преходящая, относится к поверхностным явлениям структурных и культурных изменений, в высшей степени автономна по отношению к ним	Тенденция длительна, принадлежит к основному содержанию структурных и культурных изменений, отражает их направленность, детерминирована ими, связана с ними логически и генетически

Возможности уси- лий по обеспече- нию более гармо- ничного протека- ния переходных процессов:	Отсутствовали в виду беспреце- дентности и вытекающей из неё не- подконтрольности исторических процессов	Имели место, но были упу- щены или сознательно не предпринимались, чтобы обеспеч- ить возможности обогаще- ния и сохранения властных позиций для определённых кругов
Основная направ- ленность нынеш- ней уголовно-поли- тической тенден- ции:	Репрессивная	Репрессивная
Позиция по отно- шению к нынешней уголовно- политической тен- денции:	Критическая	Критическая
Отношение между уголовно- политическими тенденциями в Ев- ропе и США	Подчёркивание различия культур- ных детерминант	Подчёркивание сходства структурных детерминант
Основные уго- ловно-политиче- ские предложения	Выступление за рациональную уго- ловную политику в контексте и в качестве средства стабилизации существующего социального по- рядка и основной тенденции разви- тия общества	Выступление за рациональ- ную уголовную политику в контексте и как одного из средств преодоления существ- вующего социального поряд- ка, включая радикальную ре- форму отношений власти и собственности и внесение зна- чительных корректур в ны- нешний курс экономического и социально-политического развития

9. Позиции российских экспертов: развитие в Российской Федерации.

Мнения российских экспертов могли быть лишь частично отнесены к аф-
фирмативной либо трансформативной позиции. В первую очередь, обращают
на себя внимание расхождения между московскими и петербургскими экс-
пертами. Москвичи были заметно более склонны рассматривать текущую
уголовную политику как либеральную, нежели петербургские коллеги. Воз-
можно, различие это не случайное, и в нём проявляется специфика москов-

ской действительности и московского восприятия действительности («Москва не Россия»). В Санкт-Петербурге были как либеральные, так и консервативные эксперты. Все петербуржцы были недовольны нынешней уголовной политикой, будь то её мягкостью или суровостью или тем и другим одновременно. В Москве же не было существенных различий в оценках, была представлена единственно позиция сдержанного удовлетворения. В сопоставлении с немецкими экспертами, москвичи скорее представляли взгляды, определённые выше как аффирмативные. Однако российские эксперты в целом, включая москвичей, придавали большое, выходящее за рамки аффирмативной позиции значение структурным факторам развития преступности и контроля над нею. На формулу «развитие преступности как сопровождающее явление расширения свободы и повышения материального благополучия» в российских интервью не содержалось ни малейшего намёка (в какой степени это объясняется отсутствием расширения свободы и повышения благополучия в России при наличии их в Германии, вопрос дискуссионный). Предлагалась более сложная модель, в которой бедность и неравенство, а также стимулирование жажды наживы рассматривались как органические компоненты реальной либерализации (реальной в том смысле, в котором можно было в своё время говорить о реальном социализме, весьма отличном от идеально-типических его определений). Такая либерализация естественным образом несёт в себе мощный криминогенный потенциал. Отличие от аффирмативной позиции состоит в том, что рост насилия и т. п. понимается не как побочное явление в целом позитивного основного процесса. Скорее это показатель того, что основной процесс протекает отнюдь не так позитивно, как это ожидалось и как хотелось бы видеть на сегодняшний день авангардным фигурам этого процесса.

Наиболее близкими к трансформативной позиции оказались два консервативных эксперта в Санкт-Петербурге – с тем отличием, что они скорее желали не перехода к новой системе, а возврата к старой. Кроме этого, они значительно менее скептически, чем немецкие трансформативно настроен-

ные эксперты, относились к репрессии в качестве средства противодействия социальным безобразиям. В целом, позиции российских экспертов можно определить как аффирмативно-либеральные, трансформативно-либеральные и трансформативно-консервативные с явным преобладанием первой из названных позиций (см. табл. 2).

Таблица 2. Варианты интерпретации уголовной политики российскими экспертами

	Аффирмативные	Трансформативные
Либеральные	Либерально-аффирмативные: преступность относится к сопровождающим явлениям модернизации: прогрессивного с нормативной точки зрения и безальтернативного процесса. Репрессивная реакция на эти сопровождающие явления неэффективна	Либерально-трансформативные: преступность относится к основному содержанию модернизации, которая не является ни прогрессивной, ни безальтернативной. Следует внести радикальные поправки в курс текущего развития, используя нерепрессивные средства
Консервативные	Консервативно-аффирмативные: преступность относится к негативным побочным эффектам модернизации: прогрессивного с нормативной точки зрения и безальтернативного процесса. Эти эффекты следует нейтрализовать репрессивными средствами	Консервативно-трансформативные: преступность относится к основному содержанию модернизации, которая не является ни прогрессивной, ни безальтернативной. Модернизацию следует обратить вспять, используя для этого и репрессивные средства

10. Новое видение конфликта между различными течениями и позициями в криминологии можно предложить, пользуясь различием между аффирмативными и трансформативными интерпретационными моделями. На сегодняшний день прежние категории различения – между либеральными и консервативными позициями, между критическими подходами и так называемым «основным потоком» (*mainstream*, англ.) представляются недостаточными для адекватного понимания сути конфликта. Предложенная бинарная схема «аффирмативность vs. трансформативность» представляет собой упрощённую классификационную схему интерпретативных подходов. Она имеет целью как можно более полную редукцию сложности дискурсивного пространства за счёт выделения лишь одного из многочисленных его

измерений. В основе этого измерения лежат различия в интерпретации отношения между уголовной политикой и её широким социальным контекстом. Аспекты криминологического дискурса, получившие уже ранее широкое признание, структурированы на основе иных теоретических, методологических и понятийных противопоставлений: индивидуалистических и структурных понятий преступности, волюнтаристических и детерминистических объяснительных моделей, этиологических и интерпретативных (позитивистских и конструктивистских) парадигм, либеральных и консервативных течений, критики уголовного права и догматических правовых учений. Соотнесение существующих измерений с аффирмативно-трансформативной схемой позволило бы получить новые варианты комбинаций и повысить уровень сложности в анализе уголовно-политических вопросов²⁰. В частности, комбинация признаков «аффирмативность-трансформативность» и «консерватизм-либерализм» позволяет предложить классификацию позиций российских экспертов, представленную в табл. 2. На основе этой таблицы, мнения немецких экспертов можно подразделить на либерально-аффирмативные и либерально-трансформативные, иные комбинации не были представлены. Российскими же экспертами были представлены либерально-аффирмативная, консервативно-трансформативная позиции и эмбриональная форма либерально-трансформативной.

Следует учитывать, что различия в определениях тенденций и их взаимосвязей не обязательно отражают объективные различия самих тенденций. Российские эксперты подчёркивают скорее либеральную, а их немецкие коллеги – консервативную тенденцию отчасти и потому, что в обоих случаях первоочередное внимание уделяется относительно новым феноменам. Для Германии относительно новым является отход от прежде однозначно преобладавшей либеральной тенденции, что воспринимается и представляется как

---

²⁰ При этом реализуется Луманновская модель познавательного процесса как разложения и рекомбинации с редукцией сложности и последующим её повышением: *Reduktion u. Aufbau der Komplexitaet, Aufloesung u. Rekombination*, нем.

прерывание преемственности. В России же новыми и необычными являются изменения, выпадающие из доселе обычной и привычной репрессивной тенденции. В обоих случаях вряд ли можно отделить объективное содержание фактов от субъективных определений их смысла, прошедших через призму восприятия и интерпретации. Кроме этого, большинство российских экспертов относится к группе, чьи аналитические услуги пользуются на сегодняшний день возрастающим спросом. Отчасти этот спрос продиктован стремлением «сервировать» уход государства от функций обеспечения безопасности как либерализацию уголовной политики. В Федеративной же республике, напротив, речь идёт об экспертах, чьё мнение ранее учитывалось и принималось к сведению, теперь же в возрастающей степени игнорируется. В силу этого, они и настроены более критически, чем большинство их российских коллег²¹:

«...уголовная политика могла бы сегодня воспользоваться многочисленными данными криминологии и социальных наук в целом. Однако же она этого не делает. Те перемены в криминологии, обращение её к социальным наукам, осталось без воздействия на нынешнюю уголовную политику. Есть ведь великолепные криминологические исследования. Хайтмайер выпустил эти тома о том, что объединяет это общество, и что его разлагает, и они не имели резонанса в уголовной политике. Чертовщина состоит в том, что на них постоянно ссылаются в средствах массовой информации и в экспертных комиссиях, только вот учитывать результаты в практической деятельности – этого шага не делается. Их принимают к сведению, часто как алиби для себя, чтобы сказать, вот, мы прислушиваемся к мнению науки и экспертов. А потом делают всё наоборот – так, как не следует делать, если исходить из этих данных. Делают совершенно иные законы, нежели те, которые рекомендовали специалисты из области криминологии» (РМ, ФРГ, директор полицейского департамента).

---

²¹ Этим же объясняются и более критические оценки Санкт-Петербургских коллег в сравнении с московскими, более обласканными вниманием со стороны властных элит. Следует, однако, принять во внимание, что игнорирование мнения либеральных экспертов и обусловленные этим тенденции в сфере наблюдения второго порядка (дискурсивной сфере) сами по себе являются косвенным индикатором тенденций в сфере наблюдения первого порядка (в практической сфере). Если либеральные эксперты недовольны текущей тенденцией, можно уже с достаточной долей уверенности предположить, что она носит консервативный характер, даже не зная ничего о развитии законодательства, динамике тюремного населения и тому подобных «твёрдых фактах».

«Наше развитие в целом вызывает большую тревогу. Я полагаю, реакция нашей уголовной политики на объективные проблемы и на истерические настроения была весьма преувеличенной. Ответственные политические фигуры последовали примитивным лозунгам, научные же данные и предупреждения учёных никто не слышит, не знает, и знать не желает. В СПД дело обстоит сейчас таким образом. Ответственные лица в Берлине ничего слышать не хотят. Союз социал-демократических юристов в какой-то степени представляет собой совесть партии в вопросах леволиберальной правовой государственности. Однако то, что мы пишем для федерального правительства, обширные программы для коалиционного соглашения, этого никто и слушать не желает, как ни горько это признавать. Все разумные и рациональные предложения – закон о следственной тюрьме, реформа закона об ювенальных судах, применение ювенального закона к лицам в возрасте до 25 лет вместо снижения возраста наступления уголовной ответственности – всё это вещи, которые сейчас в политическом пространстве очень-очень-очень трудно продвигать, у нас никакой конъюнктуры» (АП, ФРГ, председательница Союза социал-демократических юристов).

11. Консервативно-аффирмативная констелляция ни разу не была представлена экспертами. Из литературы известно, что она достаточно широко распространена в американской криминологии, процветает там в контексте неоконсервативной идеологии и представлена именами Джэймса Ку. Вильсона, Джорджа Келлинга, Джона ДиЙулио, Ричарда Херрнштайна, Чарльза Мюррэя²². В Германии хватает практических предложений, инициатив и разрозненных голосов консервативного звучания, но попытки предложить целостное теоретическое обоснование репрессивной политики воспринимаются как ересь. Одну из немногочисленных попыток предпринял Хеннер Хесс. По-видимому, он является новообращённым неоконсервативным; прежние работы его носили скорее социально-критическую направленность. Превращение произошло после пребывания в Нью-Йорке и ознакомления с результатами тамошней полицейской стратегии «нулевой терпимости» (*zero tolerance*, англ.),

---

²² Обращает на себя внимание, что все перечисленные – представители психологии, политологии, экономики, права. Социология, по-видимому, в значительно меньшей степени располагает к неоконсервативной идеологии, хотя, по всей видимости, в России дело обстоит несколько иначе.

после чего он написал панегирик этой стратегии²³, от которой европейские криминологи открещиваются как чёрт от ладана. Страстное изъявление симпатий нулевой терпимости воспринимается в данном контексте отчасти как болезненное подчёркивание собственной оригинальности или хулиганство, движимое мотивами снискания скандальной известности. Ежели это впечатление содержит долю истины, то геростратова выходка не привела к желаемому результату, поскольку криминологический эстэблишмент и в критической и в «мэйнстримовой» его части предпочли её проигнорировать.

Традиционные консервативные подходы в нынешних условиях обретают скорее трансформативную направленность на радикальное преобразование общественных отношений: с целью восстановления традиционных ценностей и институтов, с типичным для консерваторов акцентом на репрессивных средствах осуществления этих преобразований. В аффирмативно-консервативной же программе имеется одно существенное отличие: общественный порядок, который требуется утверждать и защищать репрессивными средствами против радикальных поползновений, представлен не «старыми ценностями», а «новыми свободами».

Это означает существенное изменение привычного порядка вещей: уже не только и не столько сторонники традиционных форм семьи и религиозных ценностей выступают за ужесточение наказания. Это делают теперь носители «постматериалистических ценностей», «дети свободы», выступающие за «демократизацию демократии», индивидуальную самореализацию, политику идентичности, обеспечения возможностей, жизненных стилей и т. д.²⁴ Славой Чичек определил бы это как инверсию эмансипационного потенциала в свою

---

²³ Hess, H. (2000): Neue Sicherheitspolitik in New York City. – In: M. Dignes & F. Sack (Hrsg.): Unsichere Grossstädte. – Universitätsverlag Konstanz: 355-380.

²⁴ Данные направления политического действия пришли якобы на смену устаревшей политике обеспечения прав и разрешения конфликтов в перераспределении общественного продукта, структурированной традиционным различием и противоречием между правыми и левыми полюсами политического спектра.

консервативную противоположность²⁵. Эта инверсия или мутация выглядит как маркузианское поглощение капитализмом субверсивного потенциала, приручение его и обращение в один из рядовых моментов самовоспроизводства существующего порядка. Как бы в результате некоего злокачественного перерождения, расширение спектра индивидуальных приключений, переживаний и возможностей свободной самореализации неожиданно оборачивается экспансией жёстко предписанных культурой нового капитализма императивов потребления. Эта экспансия способствует гладкому функционированию рыночных механизмов и акселерации темпов самоприращения капитала. Чичек высказывал сомнения относительно свободы, которая для большинства оборачивается принуждением к принятию решений, последствия которых невозможно предвидеть и просчитать²⁶ (там же: 465). Это помогает философски осмыслить один из парадоксов сегодняшнего дня: определённые образцы аргументации в пользу свободы и эмансипации подлежат квалификации не в качестве либеральных, а аффирмативных и даже консервативных²⁷. Они антилиберальны постольку, поскольку никого не выводят из отношений принуждения и подавления, а напротив, способствуют более глубокому погружению в такие отношения. Причём особая опасность новых форм принуждения и подавления состоит в том, что они, в отличие от прежних форм авторитаризма и тоталитаризма, успешно выступают под либеральной этикеткой²⁸. Тем самым они снижают для себя риск быть опознанными в собственном качестве механизмов принуждения и подавления.

---

²⁵ Zizek, указ. соч.: 255.

²⁶ Там же: 465.

²⁷ Ранее, волчий оскал классовых и национальных идеологий сразу можно было заметить под овечьим прикрытием разглагольствований Уинстона Черчилля или Рональда Рэйгана об освободительной миссии их держав. Ныне же речь идёт не о циничном использовании Джорджем Бушем либеральной идеи для достижения национальных и классовых целей. Дело обстоит хуже: сама эта идея претерпела такое превращение, что усилия по её осуществлению приводят к результату с точностью до наоборот.

²⁸ Barber, B. R. (2004): *End of Democracy? Privatisierung korrumpiert die res publica*. In: *Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte*. – 1+2: 12.

Вышеприведённые предположения подтверждаются рецепцией консервативными уголовно-политическими авторами некоторых социологических гранд-теорий, отнюдь не воспринимаемых как консервативные²⁹. Речь идёт, в частности, о концепции глобализации, в которой подчинение государственно-монополистических аппаратов насилия интересам транснационального капитала выдаётся за сравнительно новый феномен. Или о концепциях сетевых структур, несущих в себе более или менее явную попытку списания в утиль теории классов и классовых конфликтов. Или же о концепциях общества риска, второй или рефлексивной современности, которые возводят выпадение индивидов из традиционных структур общества в ранг чистой воды эмансипационного достижения.

11. Либеральная апология репрессии: селективность контроля и эрозия принципа равенства перед законом в рамках публичного права. Логика концепций рефлексивной современности, сетевых структур и т. п. показала себя весьма подверженной и доступной для использования в качестве философской основы репрессивных уголовно-политических подходов. В качестве примера можно взять идеи демократического контроля или культуры безопасности. Парадоксальная логика таких идей предполагает, что расширение свободы должно быть обеспечено посредством репрессивного подавления и принуждения, т. е. ограничения свободы. Этот парадокс можно разрешить с помощью тезиса селективности. Всем и каждому на долю достаётся больше свободы, однако при условии осознания всеми и каждым, что многие из них не доросли морально и интеллектуально до ответственного обращения с этой свободой (без этого вместо свободы получится хаос, анархия и вседозволенность). Высок риск злоупотреблений полученной свободой со стороны многих «морально и интеллектуально незрелых», в результате же зло-

---

²⁹ Пример приверженности махрового консерватора Ньюта Гингрича к идеям футурологов Олвина и Хайди Тёффлер, теоретиков гибких организационных форм и сетевых структур, приводится в работе Джонатана Саймона: Simon, J. (1997): *Gewalt, Rache und Risiko. Die Todesstrafe im neoliberalen Staat*. In: Trotha, T. von (Hrsg.): *Soziologie der Gewalt*. Sonderheft der Koelner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. – 37: 279.

употреблений сама идея свободы может быть дискредитирована и остановлена в своём триумфальном шествии по планете. Дабы этого не произошло, все до единого должны в добровольном порядке подвергнуться тотальному надзору со стороны инстанций, ответственных за безопасность, т. е. за предотвращение неправильного понимания свободы и злоупотребления ею³⁰. Также, как мы подвергаемся досмотру при посадке на самолёт – совершенно добровольно и, будучи в твёрдой и не лишённой оснований уверенности, что всё это делается для обеспечения нашей же безопасности. Теперь только нужно распространить этот принцип и эти практики за пределы аэропорта и иных объектов. Это означает, добровольно разрешить прослушивать наши разговоры, перлюстрировать нашу почту, аккумулировать в банках данных информацию о структуре наших ДНК и т. д. – естественно, в целях обеспечения нашей же безопасности от террористов, мафии, педофилов, да и самих себя³¹. В процессе этого надзора должны быть выявлены и «изъяты из оборота» те, кто не умеет разумно пользоваться предоставленными правами и свободами, и представляют собой повышенные источники риска и опасности для себя и окружающих. Критерии выявления, селекции и различения могут быть выработаны демократическим путём и прозрачны, что отнюдь не само собой разумеется. Операционализация же и применение этих критериев на практике находится в шаловливых руках надзорно-контрольных учреждений, весьма склонных к произвольному токованию своих функций, целей и задач³².

---

³⁰ Отсюда новое определение свободы: осознанная необходимость тотального контроля. Образец и логика решения происходят из иного исторического контекста, когда на пути ко всеобщей солидарности обошлись отнюдь не солидарным образом с десятками миллионов сограждан, которые ещё не доросли до солидарности и представляли собой досадное препятствие на пути к ней.

³¹ Небольшая корректив в столь хорошо знакомый нам принцип демократического централизма, в духе времени: выборность вышестоящих нижестоящими, поднадзорность и подконтрольность нижестоящих вышестоящим.

³² Критерии помещения в медвытрезвитель лиц, представляющих собой опасность для себя и окружающих, были достаточно прозрачными и рациональными. В действительности же, зачастую задерживались и помещались в вытрезвитель скорее лица, обладавшие признаками источника для пополнения карманов сотрудников данного заве-

Классовая, национально-этническая и иная селективность этих учреждений является притчей во языцех, равно как и твёрдо установленным криминологическим фактом (подтверждение притчи во языцех научными данными является случаем достаточно редкостным). В итоге можно ожидать, что расширение свободы для определённых категорий граждан будет сопровождаться её сужением для других категорий. К какой из этих категорий принадлежит тот или иной конкретный гражданин, определяется ответственными органами на основании их собственных рабочих критериев. Рабочим критерием селекции могут служить, скажем, цвет кожи, пол и возраст, вероисповедание, классовая принадлежность и т. д. В таком случае, молодые лица мужского пола «арабо-кавказской национальности» и мусульманского вероисповедания из неимущих социальных слоёв в первоочередном порядке становятся мишенью контрольно-надзорных мероприятий. Происходит это не столько в силу «объективной» склонности представителей данных социальных групп и слоёв к злоупотреблению свободой, сколько в результате практического применения рабочих концепций, клише и стереотипов, определяющих восприятие действительности и «рисковую коммуникацию как общественности, так и органов безопасности. Данные концепции и клише, основу которых составляет представление о взаимосвязанности названных признаков с качеством повышенной общественной опасности, усиленно воспроизводятся средствами массовой информации и политическими практиками сегрегации. Объектом перманентного контроля и надзора выступают не конкретные лица и группы лиц, чья опасность или виновность установлена и доказана, а категории населения и социальные группы, от представителей которых якобы можно с повышенной вероятностью ожидать субверсивных действий, нарушений общественного порядка, угрозы для безопасности и т. п. Тем самым воспроизводится большевистская логика превентивной нейтрализации не только ре-

---

дения – то есть, прилично одетые. Дополнительно учитывались признаки невысокой опасности непроизвольных испражнений и прочих неприятностей, т. е. предпочтительно задерживались не очень пьяные граждане.

ального, но и потенциального сопротивления «эксплуататорских» классов, сама принадлежность к которым расценивалась как индикатор повышенной опасности для существующего режима. Подобные подходы, основанные на применении к действительности смягчённого варианта принципа коллективной вины³³ и ответственности, сомнительны с точки зрения правовой государственности. Однако общественность в настоящий момент мало озабочена проблемой конституционной защиты индивидуальных прав и свобод от посягательств со стороны государства. Больше беспокоится она об эффективности обеспечения государством безопасности от посягательств со стороны третьих лиц (террористов и т. п.). Однако же, общественность обманывается и позволяет себя обманывать, ожидая более высокой эффективности от селективных практик обеспечения безопасности. История учит, что они несут в себе имманентную тенденцию переориентации с обеспечения безопасности граждан на преследование противников существующего режима и сторонников радикальных преобразований. Безопасность же граждан обеспечивается лишь в той степени, в которой это необходимо для поддержания их лояльности как одной из основ легитимности и стабильности режима. При этом очень высок соблазн выполнения этой функции не за счёт реального обеспечения безопасности, а путём поддержания её видимости, для чего необходим лишь контроль над средствами массовой информации. Селективность контроля существенно упрощает жизнь органам безопасности, освобождая их от необходимости трудоёмкого выявления конкретной вины и степени общественной опасности конкретных лиц. С этим связана высокая погрешность: обратной стороной коллективной вины является коллективная невиновность. Лица, лишённые «внешних признаков социальной опасности», имеют неоправданно низкие шансы попасть в поле зрения контрольно-надзорных органов вне зависимости от того, какую опасность они представляют в действи-

---

³³ Смягчённость состоит в том, что принадлежность к определённой группе является основанием не для обвинения и уничтожения, как это было во времена оны, а всего лишь для подозрения и усиленного надзора, в худшем случае – изоляции.

тельности. Говоря конкретнее, будучи лицом женского пола, «русской национальности», христианского вероисповедания, преклонного возраста и высокого социально-имущественного статуса, можно спокойно творить всевозможнейшие безобразия, оставаясь вне подозрения. Возможно это лишь потому, что соответственно расхожим представлениям и рабочим концепциям органов, обладание такими признаками сопряжено с низким уровнем риска или вероятности совершения общественно опасных деяний. Однако эти представления и концепции носят в высшей степени идеологический характер и очень низкий уровень валидности. Следствием их является низкий уровень защиты общественной и личной защиты от лиц, которые в действительности являются носителями отнюдь не меньших угроз для общества, нежели представители «опасных» классов, этнических и половозрастных групп.

Тем временем средства массовой информации, органы безопасности и общественность открывают всё новые «опасные группы»:

«В настоящее время усилилась одержимость поиском и изобретением групп повышенного риска. Шансы попасть под подозрение и интенсивность контроля распределяются всё более неравномерно в социальном пространстве. И эти новые группы риска подвергаются особым формам подозрения и вытекающего отсюда ограничения их гражданских прав» (ВЛ).

Относительно религиозной и государственной принадлежности как одного из признаков общественной опасности говорится следующее:

«Это сопоставимо с тоталитарными режимами в том смысле, что коллективная принадлежность интерпретируется как индикатор риска – если ты мусульманин, тебя интерпретируют как источник опасности. Принадлежность к этим национальным и религиозным сообществам сопряжена с более низким правовым статусом, более интенсивным контролем и «подозреваемостью» в рамках международной борьбы с терроризмом. Это не ведёт автоматически к наказанию, однако на целые группы населения составляются электронные досье» (ВЛ).

«...мы перешли к политике относительного отгораживания. Не от французов, американцев и англичан, а от тех стран, которые мы определяем как проблемные. Конечно, это не Израиль, но Палестина; возможно, не Турция, но Ирак» (КЗ).

«Проблематика иностранцев подпадает под аспект государственной преступности, поскольку уголовное право развилось таким образом, что применяется как инстру-

мент социального исключения. Это развитие носит характер, противоречащий идеям Просвещения в смысле разрастания особой формы социального контроля, воздействие которой направлено не на все категории граждан в равной мере» (УЕ, ФРГ, эксперт Международного трибунала в Гааге).

Аргументы в пользу усиления репрессии оформляются всё более как либеральная риторика. Репрессивные устремления и намерения находят своё обоснование не только в обычных и привычных консервативных штампах, но и успешно включают в свой арсенал дискурсивные образцы, в которых ранее находили своё выражение и обоснование противоположные устремления и намерения. Борьба с преступностью теперь переопределяется в защиту прав и свобод от опасностей злоупотребления ими, также как понятия войны и вооружённых сил постепенно преобразуются в миротворческие операции и миротворческие силы (СМ, РФ, профессор уголовного права и криминологии).

12. Вектор конвергенции уголовно-политического развития в ФРГ и РФ.

На основе обобщения мнений экспертов можно с уверенностью судить о наличии конвергентных тенденций в развитии уголовно-политических практик и дискурсов в Германии и России. В наличии дивергентных тенденций также нет сомнений, однако их выявление и составление баланса – какие из них преобладают, – не входило в задачи исследования. О конвергенции можно говорить постольку, поскольку уголовно-политическое развитие в России и Германии после завершения конфликта между Западом и Востоком может быть осмыслено в рамках единой интерпретативной схемы³⁴. Черты сходства представляются тем более интерпретационно весомыми, что речь идёт о развитии в очень различных контекстах, которые можно рассматривать как полярные вариации процесса постсоветской трансформации. Метафорически можно говорить о двух вариациях единой тенденции.

---

³⁴ «Осмыслено» в том смысле, в котором об этом говорилось выше – конгломерату разрозненных, гетерогенных и разнонаправленных изменений на разных уровнях действительности (уголовная политика как идея, как её законодательное оформление и как уголовно-исполнительная практика – ГЗ, РФ, профессор криминологии и уголовно-исполнительного права) придаётся смысл (*make a sense*, англ.) как единому, логически и хронологически определённом развитию или истории (*narrative*, англ.).

Конвергенция происходит отчасти в виде приближения российской уголовной политики и практики контроля над преступностью к западной модели. Российские условия становятся либеральнее, несмотря на чрезвычайную эклектику, противоречивость и амбивалентность развития в целом (СМ), небесспорность преобладания и наличия вообще либерального вектора. В любом случае, имеют место многочисленные попытки внедрения организационных форм, определяемых как западные, особенно на местном уровне и при финансовой поддержке из-за рубежа. Сближение происходит также за счёт встречного движения западной стороны: здесь политика и практика принимают всё более консервативные черты, и наблюдается однозначная репрессивная тенденция. Если воспринимать западную модель не статично, как (всё ещё) значительно более либеральное состояние, а как процесс, она не может более служить образцом уголовно-политической либерализации:

ВГ: Так имеет ли место сближение?

КЗ: Возможно, отнюдь не исключено...

ВГ: И в каком же направлении?

КЗ: Ужесточения. Самое значительное развитие уголовно-политического характера в связи с Объединением было то, что через распространение у нас восточного менталитета мы приходим к более репрессивной политике.

То, что западный менталитет «портится» в результате «распространения восточного менталитета», звучит столь же правдоподобно, как и хорошо известное нам объяснение преступности в социалистическом обществе зловерными ментальными флюидами капиталистического окружения. Ежели либеральная культура Запада оказывается столь непрочной и податливой для порчи со стороны побеждённой системы, велика ли ей цена? Впрочем, углубление в полемику с экспертом отвлекло бы нас от основной нити повествования.

Чрезмерным упрощением было бы представление о том, что уголовная политика в России и Германии однажды полностью выровняются в континууме либеральности-репрессивности. Пока нет оснований полагать, что уго-

ловная политика и полицейская практика в Германии в обозримом будущем достигнут такой же степени репрессивности, какой характеризуются российская уголовная политика и полицейская практика. Со своей стороны, нет основания судить о наличии в России потенциала либерализации, позволяющего ожидать её развития до уровня современной уголовной политики в Германии:

«Репрессивность может распространяться и усиливаться во всём мире. Это можно себе представить как ответ на терроризм и преступное поведение легальных и нелегальных мигрантов. Население Западной Европы обеспокоено обоими феноменами и требует более жёстких мер, в силу чего правительства рано или поздно будут усиливать репрессивную составляющую их политики. Однако я надеюсь, что они никогда не опустятся до российского уровня» (ЯГ, РФ, профессор социологии и криминологии).

Различение между природой обеспокоенности европейских граждан «преступным поведением легальных и нелегальных мигрантов» и обеспокоенности российских граждан преступностью «лиц кавказской национальности» требует хотя бы маломальского обоснования. Впрочем, не будем вступать в полемику и с этим экспертом.

В случае изменения общесоциальных, экономических или политических условий в Германии или России, нельзя быть уверенным в сохранении основ конституционного строя, демократии, правового государства и т. д. Трансформативное видение текущих тенденций, обозначаемых зачастую неудачным термином «глобализация», не исключает такого варианта развития событий. Однако более определённые суждения на этот счёт были бы не более чем обоснованной спекуляцией или гипотезой. На основании же эксплицитных прогнозов и диагнозов экспертов, можно следующим образом охарактеризовать основные черты общей тенденции в пределах пространства, разделённого ранее железным занавесом. Прежде всего, это смещение центра тяжести репрессивного контроля за пределы сферы уголовно-правового регулирования. Контроль становится в возрастающей степени проактивным (понятие, противоположное реактивности, принятию мер по совершившимся

фактам). Государственное насилие применяется всё чаще при отсутствии подозрения в совершении преступления, и применение его всё менее регулируется нормами уголовно-процессуального права. В Германии это развитие принимает институциональные формы в рамках полицейского предупреждения опасностей. В России же соответствующие формы полицейской активности представляют собой давнюю традицию, периодически обретающую и потом вновь теряющую институциональное оформление. «Демократический контроль» или «внесудебная репрессия» (СМ) являются лишь новыми понятиями для обозначения, концептуализации, легализации и институционализации старых практик и состояний.

Россия и Германия разными дорогами идут к одному и тому же (в наше время никак не отделаться от подозрения, что все дороги ведут не в Рим и не в храм, а в Гулаг). Это «одно и то же» – расширение легитимного пространства применения государственного насилия за пределами уголовной юстиции. В России это практикуется широко и усердно без какого-либо правового оформления. В Германии – менее широко и усердно. Здесь в целом менее распространены практики, противоречащие действующему праву, либо же находящиеся по ту сторону легального и нелегального – хотя бы в силу того, что значительно более узкие сферы общественной жизни находятся за пределами правового регулирования. Поэтому, чтобы применять внесудебную репрессию, требуется создание специальной правовой базы, которое в настоящий момент и происходит в виде развития полицейского права, в сфере предупреждения опасностей, коммунальной и технической превенции и т. д. В России же практики существуют уже давно, правовое оформление, урегулирование и упорядочивание должно произойти «задним числом». В немецком варианте тем самым создаётся возможность для систематического выхода за ограничения, налагаемые на применение государственного насилия принципами правовой государственности **без официальной отмены этих принципов**. В российском случае следует говорить скорее о признании принципов правовой государственности без отказа от существующих полицейско-

государственных практик, нарушающих эти принципы. Немецкий вариант определяется как продвижение легальным путём к состояниям, определяемым как полицейское государство³⁵.

Помимо прочего, за мнимым или реальным достижением официальных целей уголовно-правовой репрессии, всё более явственно проглядывает интенция прямого управления социальными отношениями и процессами с помощью репрессивных средств. В частности, репрессия всё более становится инструментом регулирования ресурсных, миграционных и капиталопотоков. В этом проявляется значение завершения конфликта между Востоком и Западом для формирования целевой направленности и организационных форм нынешнего уголовно-политического развития. Открытыми пока остаются следующие вопросы. Кто выигрывает от такой переориентации уголовной политики на непосредственное управление обществом, и в чём, соответственно, состоит её истинная целевая направленность³⁶? В какой степени достигаются ею явные и латентные цели? Можно ли говорить о том, что иные средства управления обществом оказываются неэффективными в условиях глобализации или скорее, что они сознательно демонтируются в контексте неолиберального обрезания публичной сферы?

13. Стена пала – да здравствует стена! Контроль над преступностью в условиях нового капитализма на пути к новому тоталитаризму. До сих пор речь шла о том, что можно сказать в равной степени о развитии и немецкой и российской уголовной политике. Предложить дополнительно очередной перечень культурно, экономически, исторически и иным образом обусловленных различий было бы очень просто, но такой задачи не ставилось. Представленная в несколько общих чертах тенденция помогает понять неко-

---

³⁵ Roggan, F. (2000): Auf legalem Weg in einen Polizeistaat. Entwicklung des Rechts der Inneren Sicherheit – Bonn: Pahl-Rugenstein.

³⁶ Говоря более прямо, имеет ли она классовый характер. Этот вопрос представляется всё менее праздным по мере ренессанса в новом облики противоречий капитализма, в своё время раскрытых Марксом.

торые явления и процессы. В частности, становится понятным, почему в Европе возводятся новые стены взамен разрушенных:

«Европейский союз называет себя сообществом свободы, безопасности и права. В Западной Европе, однако, можно наблюдать, как свобода и право приобретают подчинённое и второстепенное значение по отношению к безопасности. Текущая уголовная политика состоит в том, что все достижения в свободе коммуникации, экономики и культуры тут же подвергаются дотошной проверке, а не скажется ли это на безопасности? И при наличии сомнений новая свобода тут же урезается из соображений безопасности. Возводятся новые границы, теперь уже внутри государств. Или экономические барьеры – более или менее состоятельные граждане скрываются в охраняемых зонах проживания³⁷, потребления, досуга, развлечения, и их более не касается, что творится там снаружи, в большом обществе» (РМ).

«Если присмотреться к европейской политике безопасности и концепции европейской юстиции, видно, что этими лозунгами происходит голое усиление пограничного контроля, движимое озабоченностью тем, чтобы кандидаты на вступление в ЕУ выполнили свои обязательства по закрытию границ» (УЕ).

Становится понятно также и возрастающая селективность деятельности надзорно-контрольных служб:

«...странным образом, преступники международного масштаба, международный капитал, совершающий криминальные махинации с субсидиями, ускользает... Всё ужесточение уголовного права их никоим образом не касается. Касается же оно только тех, кого заведомо можно определить как аутсайдеров» (ФБ).

Предлагаемый подход к интерпретации уголовной политики помогает понять также усиление экономических мотивов и механизмов в её пределах. Государственный аппарат насилия всё менее в состоянии выполнять социальную функцию обеспечения безопасности, а его персонал проявляет всё меньше интереса к её выполнению. Вместо этого, аппарат и персонал старается по возможности выборочно и с наименьшими издержками выявлять, нейтрализовать и контролировать лиц, нарушающими и ставящими под вопрос существующий политический и экономический порядок; олицетворяющими в средствах массовой информации и политическом дискурсе наиболее острые и

---

³⁷ *Gated communities* – так называются ограждённые стенами, рвами, системами видеонаблюдения и охраняемые частными рэмбообразными спецназовцами жилые зоны.

актуальные угрозы. При этом источники реальных угроз вытесняются из поля зрения и сознания. Современная уголовная политика является оружием из политического арсенала птицы страуса, прячущего голову в песок в экстремальных ситуациях. Данная позиция является фактором ускорения движения по направлению к социальной катастрофе:

ВГ: Что же, обязательно должна сначала произойти катастрофа, чтобы мы начали шевелиться, думать и жить по-другому, нужно, чтобы нас жареный петух клюнул?

ФБ: Возможно, хотя раньше я старался так не думать. Сейчас же я полагаю, что, пожалуй, так оно и есть. Впрочем, и катастрофы долго ждать не придётся...

ВГ: Но в таком случае, какой прок от всей рефлексии, от всех знаний... Общество совершенно неспособно к обучению, скажем, на своих ошибках.

ФБ: Человек выносливое животное... Но граница выносливости существует, и её переступают систематически, и как долго ещё это может тянуться, как долго они смогут ещё дозировать неуверенность, раздражение и агрессию, управляя массами, пока не наступит взрыв, я не знаю. Но опасность велика.

«...продолжение в том же духе невозможно без потрясений, причём с вооружёнными столкновениями внутри страны. Говоря сегодня о гражданской войне, мы имеем в виду Чечню или африканские страны, но не Западную Европу. Если же мы глянем на Францию, что там происходит в городских предместьях, мы получим отдалённое представление о том, что предстоит пройти и другим странам. А именно, этот пар в котле не сможет более выходить через вентили, и котёл взорвётся. Подростки, которым мы не оставляем ни малейших шансов, с оружием в руках ворвутся в фешенебельные магазины, торговые и жилые зоны и силой возьмут то, в чём им отказывают, возбуждая одновременно аппетит к этому. Здесь мы могли получить примерное представление о том, что нас ожидает, когда в Райнхаузене многие сталелитейщики потеряли свои рабочие места, и обнаружилось, что наша экономическая и социальная система не могут более обеспечить того же финансового благополучия безработным. Тут начались большие беспорядки и забастовки, протесты, и лишь с большим трудом удалось избежать насильственного конфликта с полицией. И избежать-то удалось, поскольку их было ещё не так много. Если же их будут тысячи, не имею понятия, как полиция в таком случае сможет сохранить контроль над ситуацией. Или...при этой тоске по твёрдой руке, твёрдая рука появится при поддержке состоятельных слоёв, поскольку в их интересах канализировать агрессию народа так, чтобы самим жить в мире и спокойствии. Если это пойдёт по такому пути, и новый диктатор наподобие Гитлера получит поддержку определённых финансовых кругов, что однозначно имело место при Гитлере. Тогда будет найдено какое бы то ни было меньшинство, и агрессия народа будет направлена против

этого меньшинства, которое будет представлено как виновное в возникшей ситуации, и в таком случае мы получим повторение» (РМ).

Буде случится катастрофа, после того, как всё уляжется, в учебниках (если таковые ещё будут) она будет подана как прерывание в высшей степени достохвальной цивилизационной традиции с её эволюционными универсалиями повышения материального благосостояния и либерал-демократизации. Катастрофа будет определена как событие, чуждое этой традиции, выпадающее за её пределы, не находящее в ней логического объяснения. Или же она будет отнесена к досадным непредвиденным эффектам или неизбытым проявлениям амбивалентности цивилизационного развития. Возможно, экспертов спросят: почему это случилось так неожиданно именно тогда, когда всё обещало хорошую погоду и ещё больше свободы и благосостояния? А история нашла свой хэппи-энд, своё счастливое завершение в виде безальтернативной и не нуждающейся более ни в альтернативах, ни в сомнениях относительно своего совершенства социальной системе? И тогда прозвучит ответ, аналогичный мнению экспертов о том, почему объединение Германии и завершение конфликта между Востоком и Западом протекало несколько бесконтрольно, почему оно сопровождалось большим количеством малоприятных эффектов вроде «остальгии» на востоке и приступов рвоты от зрелища нищеты восточных сограждан на западе³⁸:

«Тогда наука, политика и простые граждане были ошарашены таким зигзагом исторического развития. Никто не предвидел, что системы, построенные на века, могут оказаться столь недолговечными и рухнуть буквально за ночь» (ФБ).

Есть ещё один вариант ответа: «...да нет же, было много и критических голосов. Но никто не хотел их слушать» (ВЛ). Однако это ещё не повод, чтобы замолчать и сложить оружие:

---

³⁸ „Ostalgie“, производное от „Ost“ (восток) и „Nostalgie“ (ностальгия) в упрощённой трактовке означает тоску по социалистическому прошлому в восточных землях ФРГ. „Eure Armut kotzt uns an“ (нас тошнит от вашей нищеты) – трафаретная фраза, выражающая высокомерие, презрение и раздражение (некоторых) западных немцев в отношении восточных, их недовольство высокими издержками на модернизацию экономики бывшей ГДР.

«Мы не можем изменить людей, но не должны умолкать с нашими диагнозами. Мы должны постоянно говорить то же самое, если мы в той или иной степени посвятили себя социальным наукам. Я полагаю, что и мы, практики, которым небезразличны данные вопросы, должны неустанно повторять. Даже если это чрезвычайная нагрузка, постоянно твердить одно и то же, как попугай, это очень важно. И я с большой радостью наблюдаю, что после поколения криминологов и социальных исследователей, которые перешагнули 70-летний возрастной рубеж, на авансцене появляется новое поколение молодых людей, которые думают в том же духе, и число их не убывает, и это придаёт мне оптимизм» (PM).

Литература.

Barber, B. R. (2004): *End of Democracy? Privatisierung korrumpiert die res publica*. In: *Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte*. – 1+2: 6-12

Baer, J. & Chambliss, W. J. (1997): *Generating Fear: the Politics of Crime Reporting*. In: *Crime, Law and Social Change*. – 27/2/1997: 87-107

Bauman, Z. (2001): *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. – Cambridge: Polity & Blackwell

Beckett, K. (1997): *Making Crime Pay. Law and Order in Contemporary American Politics*. – Oxford University Press

Buzan u. a. (1998): *Security. A New Framework for Analysis*. – Boulder

Caplow, T. & Simon, J. (1999): *Understanding Prison Policy and Population Trends*. In: Tonry, M. & Petersilia, J. (eds.): *Prisons*. – Chicago & London: The University of Chicago Press: 63-120

Christie, N. (2000): *Crime Control as Industry. Towards Gulags, Western Style*. – London & New York: Routledge, the 3rd edition

Cohen, S. (1988): *Against Criminology*. – Transactions Books: New Brunswick & Oxford

Ehrenreich, B. (1994): *Angst vor dem Absturz. Das Dilemma der Mittelklasse*. – Hamburg: Rowohlt

Frazer, N. (1997): *Justice Interrupts: Critical Reflections on the Post-Socialist Condition*. – N. Y.: Routledge

Garland, D. (2001): *The Culture of Control*. – Oxford University Press

Golbert, V. (2003): *Innere Sicherheit in unterschiedlichen gesellschaftlichen Kontexten*. – Lit-Verl.: Muenster-Hamburg-London

Hess, H. (2000): *Neue Sicherheitspolitik in New York City*. – In: M. Dignes & F. Sack (Hrsg.): *Unsichere Grossstädte*. – Universitätsverlag Konstanz: 355-380

- Hobsbawm, E. (1995): *Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914-1991.* – Abacus
- Kreissl, R. (1998): *Die Konjunktur Innerer Sicherheit und die Transformation der gesellschaftlichen Semantik.* In: Hitzler, R. & Peters, H. (Hrsg.): *Inszenierung: Innere Sicherheit.* – Opladen
- Лунеев, В. В. (1997): *Преступность в XX столетии: мировые, региональные и российские тенденции развития.* – Москва
- Merkel, W. (1999): *Systemtransformation.* – Leske & Budrich: Opladen
- Neckel, S. (2001): *„Leistung“ und „Erfolg“. Die Symbolische Ordnung der Marktgesellschaft.* – Barlosius, E.; Mueller, H.-P. & Steffen, S. (Hrsg.): *Gesellschaftsbilder im Umbruch. Soziologische Perspektiven in Deutschland.* – Opladen: Leske und Budrich
- Ranulf, S. (1964 [1938]): *Moral Indignation and Middle Class Psychology: A Sociological Study.* – New York: Schocken Books
- Roggan, F. (2000): *Auf legalem Weg in einen Polizeistaat. Entwicklung des Rechts der Inneren Sicherheit* – Bonn: Pahl-Rugenstein
- Sennett, R. (1998): *The Corrosion of Character. The Personal Consequences of Work in the New Capitalism.* – Norton
- Simon, J. (1997): *Gewalt, Rache und Risiko. Die Todesstrafe im neoliberalen Staat.* In: Trotha, T. von (Hrsg.): *Soziologie der Gewalt. Sonderheft der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie.* – 37: 279-301
- Wacquant, L. (2000): *Elend hinter Gittern.* – Universitätsverlag Konstanz
- Zizek, S. (1999): *Die Tuecke des Subjekts.* – Frankfurt/M.: Suhrkamp